

УДК 327

Инструменты взаимного доверия в советско-турецких отношениях в 1920-30-е гг.**Заляев Рамиль Ильхамович**Кандидат исторических наук,
доцент кафедры алтаистики и китаеведения
Казанского (Приволжского) федерального университета**Заляев Рустем Ильхамович**Кандидат политических наук, доцент кафедры конфликтологии
Казанского (Приволжского) федерального университета

Статья посвящена подробному анализу развития и становления инструментов взаимного доверия в советско-турецких отношениях в 1920-1930-е гг., что имеет практическое значение в дальнейших взаимоотношениях между Россией и Турцией.

Ключевые слова: Россия и Турция, инструменты взаимного доверия, внешняя политика СССР, внешняя политика Турции, Мустафа Кемаль Ататюрк, Тевфик Рюштю Бей [Арас]

В 1920-30-е гг. Правительство Союза Советских Социалистических Республик (СССР) и Правительство Республики Турция с целью укрепления и дальнейшего развития взаимных отношений уделяли особое внимание выработке и применению инструментов взаимного доверия, а также к их дополнению с учетом международного положения. Инструменты, укрепляющие взаимное доверие между государствами, играют важную роль в процессе сближения между ними. В связи с этим важным и необходимым являются выявление, изучение и обращение к опыту выработки инструментов взаимного доверия в международных отношениях России с другими государствами. В данной статье предпринята попытка выявления инструментов взаимного доверия, разработанных Правительствами СССР и Турецкой Республики в 1920-1930-е гг.

Дипломатические контакты между Советским правительством и ведущей национально-освободительную борьбу против иностранных интервентов за национальную независимость Правительством Великого национального собрания Турции (далее – ВНСТ) с центром в Анкаре были установлены в 1920 г. 24 августа того же года в ходе официальных переговоров между прибывшей в Москву делегацией Правительства ВНСТ во главе с Министром иностранных дел Бекир Сами Беём [Кундух] и советской

делегацией был выработан и парафирован проект «Договора о дружбе» [1, с. 29], определявший основные принципы отношений между двумя странами. [2, с. 117]. Согласно инструкции, подготовленной для делегации правительства ВНСТ и утвержденной в Анкаре 8 мая 1920 г., делегация должна была заложить основы искреннего и надежного содружества с Советской Россией [1, с. 30]. Для достижения такого сотрудничества между двумя правительствами стороны выработали первые в их взаимоотношениях инструменты взаимного доверия, которые были включены в подготовленные проекты нот. Обмен этими нотами, содержащими обязательство сторон информировать друг друга о возможных переговорах с другими государствами [3, с. 117], был произведен сразу же после парафирования проекта договора.

Важно указать, что оба правительства применили эти инструменты на практике в ноябре-декабре 1920 г. Тогда в целях укрепления взаимного доверия и понимания между двумя правительствами народный комиссар иностранных дел РСФСР Георгий Васильевич Чичерин в своей ноте от 19 декабря 1920 г. изложил точку зрения Советского правительства на вопросы, затронутые в двух нотах исполняющего обязанности Министра иностранных дел Правительства ВНСТ Ахмеда Мухтар Бея [4, с. 392]. В своей ноте Г.В. Чичерин, подчеркивая первосте-

пенную значимость такого обмена мнениями [4, с. 396], также отметил, что согласованная воля двух правительств способна установить мир и спокойствие в регионе, и, осведомляя друг друга о своей политике в Европе, они могут избежать недоразумений, которые их неприятели могут посеять между двумя правительствами [4, с. 392].

В результате дальнейшего развития дипломатических контактов в марте 1921 г. в Москве между делегациями двух правительств был подписан важнейший для обеих сторон «Договор между Россией и Турцией». В преамбуле договора обе стороны отметили, что всякие трудности, созданные для одного из двух народов, ухудшают положение другого [4, с. 597]. Это положение в преамбуле Договора выражало стремление обеих стран установить постоянные доверительные взаимоотношения и неразрывную искреннюю дружбу, основанную на взаимных интересах. Оно предполагало, что Турция и Советская Россия в своей международной деятельности должны будут учитывать и национальные интересы друг друга. Кроме этого, это положение, пусть и не в открытой форме, являлось элементом союзнических отношений, и закладывало основы для сближения двух стран.

Советская Россия и Турция стремились положить в основу своих взаимоотношений полную искренность с устранением всего того, что могло бы нарушить их взаимное доверие [5, с. 606]. В связи с этим при подписании договора также состоялся обмен двумя нотами между Г.В. Чичериным и Послом Турции в Москве Али Фуад Пашой [Джебесой], содержащими дополнительные инструменты взаимного доверия. В первой ноте Правительство ВНСТ и Правительство Советской России в случае намерения внести в общее направление своей внешней политики по отношению друг к другу изменения принципиального характера или ориентации обязывались немедленно довести до сведения друг друга о факте подобного решения [5, с. 605-606]. Во второй ноте обе стороны обязались немедленно без задержек и во всех подробностях сообщать друг другу о каждом заявлении или предложении со стороны всякой державы, ведущей в Азии политику, отличающуюся от политики Турции или Советской России, о предложении по сближению или соглашении со стороны этих держав, обо всех переговорах с этими державами и не заключать с этими державами каких-либо договоров, которые могли касаться интересов Турции или Советской России [5, с. 606-607].

В эти годы важным и результативным инструментом взаимного доверия в отношениях между Советской Россией и Турцией стали также личные контакты между руководящими государственными деятелями обеих стран. Так, Михаил Васильевич Фрунзе во главе чрезвычайной миссии находился в Турции с 24 ноября 1921 г. по 16 января 1922 г.

Решение о его поездке в Турцию было принято на заседании Политбюро Центрального комитета Российской Коммунистической партии (большевиков) 9 августа 1921 г. [6, с. 156] в критические для турецкой национально-освободительной борьбы дни, когда греческая армия перешла в наступление против турецких национальных сил [7, с. 288-289]. Таким образом, его поездка должна была послужить символом и подчеркнуть тесную дружбу между Советской республикой и Турцией [6, с. 158]. За время пребывания в Турции М.В. Фрунзе имел беседы с главой Правительства ВНСТ Гази Мустафой Кемаль Пашой, Министром иностранных дел Правительства ВНСТ Юсуфом Кемаль Беем [Тенгиршек] и другими представителями правительства ВНСТ по широкому кругу политических и военных вопросов [4, с. 155]. В итоге поездки М.В. Фрунзе в Турцию внесла значительный вклад в укрепление взаимного доверия между двумя странами. В период национально-освободительной борьбы и освободительной войны в Турции под руководством Гази Мустафы Кемала Ататюрка Советская Россия с дружественным отношением к борющейся за свою независимость Турции стала надежным тылом, что позволило Правительству ВНСТ концентрироваться на задачах национально-освободительной борьбы и не опасаться за безопасность своих северо-восточных и восточных границ с советскими республиками Закавказья.

После победы Турции в национально-освободительной борьбе, провозглашения Турции Республикой 29 октября 1923 г. Советское правительство и Правительство Турции продолжили работы по выработке новых инструментов взаимного доверия с учетом международного положения. Так, в сентябре 1924 г. в Анкаре начался переговорный процесс по расширению Московского договора от 16 марта 1921 г. Тогда Советское правительство предложило Правительству Турецкой Республики дополнить Московский договор 1921 г. соглашением о дружественном нейтралитете в случае войны одной из сторон с третьей державой, а также обязательством не участвовать во враждебных группировках, направленных против другой стороны [8, с. 766]. Советское правительство, выступая с этой инициативой, исходило из того, что определение точных условий, способствующих укреплению взаимных отношений, будет отвечать интересам обеих стран [8, с. 738], а также намеревалось укрепить политическое сотрудничество между двумя странами.

Большую часть переговоров в Анкаре провел Чрезвычайный и полномочный представитель СССР в Республике Турция Яков Захарович Суриц с Министром иностранных дел Республики Турция Тевфиком Рюшту Беем [Арас] и другими турецкими руководящими государственными деятелями. Окончательный же текст «Договора между Союзом ССР

и Турцией» был подписан Г.В. Чичериным и Тевфик Рюшту Беем 17 декабря 1925 г. в Париже после завершения между ними переговоров [8, с. 809].

Первая статья договора предусматривала, что «в случае военного выступления против одной из договаривающихся сторон со стороны одной или нескольких третьих держав другая договаривающаяся сторона обязуется соблюдать нейтралитет по отношению к первой» [8, с. 739]. Первая статья договора подразумевала, что состояние нейтралитета наступает в том случае, когда против другой договаривающейся стороны совершено военное выступление и она, таким образом, ведет оборонительную войну. Важным элементом первой статьи являлось то, что нейтралитет не осуществлялся, если одна из договаривающихся сторон совершала акт агрессии против третьей страны. Изложенное выше свидетельствует о том, что цель первой статьи заключалась исключительно в поддержании и укреплении мира и нейтралитета между СССР и Турцией.

Во второй статье договора каждая договаривающаяся сторона обязывалась воздерживаться от всякого нападения на другую договаривающуюся сторону [8, с. 740]. В этой статье они также обязывались не принимать участие ни в каком союзе или соглашении политического характера с одной из или несколькими третьими державами, направленном против другой договаривающейся стороны [8, с. 740]. Они также взяли на себя обязательство не принимать участия ни в каком союзе или соглашении с одной или несколькими третьими державами, направленном против военной и морской безопасности другой договаривающейся стороны [3, с. 740]. Каждая сторона обязалась не участвовать ни в каком враждебном акте одной или нескольких третьих держав, направленном против другой договаривающейся стороны [8, с. 740]. Таким образом, во второй статье договора стороны обязывались взаимно воздерживаться от всякого нападения и участия во враждебном акте друг против друга и объявляли войну вне закона. Согласно третьей статье договор должен был находиться в силе три года [8, с. 740].

В тот же день Г.В. Чичерин и Тевфик Рюшту Бей подписали три протокола, которые разъясняли и дополняли статьи договора. В Протоколе № 1 стороны согласились, что каждая из договаривающихся сторон будет сохранять полную свободу действий, поскольку это касается ее отношений всякого рода с третьими державами вне пределов тех обязательств, условия которых были установлены в настоящем Договоре [8, с. 740]. В Протоколе № 2 обе стороны условились о том, что выражение «политического характера», упомянутое во второй статье Договора, должно быть также включено во все финансовые или экономические соглашения между державами, направленные против другой договаривающейся стороны [8, с. 740]. Это положение пред-

полагало, что СССР и Турция обязывались не участвовать в финансовых и экономических бойкотах и блокадах, которые могли быть организованы против них со стороны третьих держав.

Закрепленные во второй статье Договора обязательства нашли свое дальнейшее развитие в Протоколе № 3, где обе стороны обязывались предпринимать переговоры для установления порядка и урегулирования споров в случае их возникновения и не могли бы быть улажены обыкновенным дипломатическим путем [8, с. 741]. Таким образом, стороны обязались урегулировать всякого рода разногласия, которые могли возникнуть между ними, исключительно мирными средствами, а именно путем переговоров. Положения данного Протокола содержали один из важнейших принципов – мирное разрешение международных споров. Народный комиссар иностранных дел СССР Г.В. Чичерин в своем письме в Политбюро ЦК ВКП(б) от 2 января 1926 г. охарактеризовал подписанный в Париже «Договор между Союзом ССР и Турцией» с положениями о нейтралитете, ненападении и неучастии во враждебных комбинациях как образец мирной политики, рассчитанной на дружественные отношения [9, с. 7].

В период после заключения «Договора между Союзом ССР и Турцией» отношения между двумя странами продолжали укрепляться [1, с. 152]. Это нашло свое отражение в официальном визите заместителя народного комиссара иностранных дел СССР Льва Михайловича Карахана в Республику Турция в декабре 1929 г. В ходе него 17 декабря 1929 г. в Анкаре между Советским правительством и Правительством Турецкой Республики был подписан «Протокол [Протокол между СССР и Турцией] о продлении срока действия “Договора между Союзом ССР и Турцией” от 17 декабря 1925 г.». Положения Протокола не ограничивались только заявлением обеих сторон продлить Договор от 17 декабря 1925 г. еще на два года [10, с. 660]. Протокол также содержал новый инструмент взаимного доверия между двумя странами. Прежде всего, в ст. 2 каждая из обеих сторон заявила о том, что между нею и другими государствами, находящимися в непосредственном сухопутном или морском соседстве с другой договаривающейся стороной, не существует никаких обязательств, кроме актов, уже преданных гласности [10, с. 660]. В Протоколе стороны обязывались не начинать без уведомления другой стороны переговоров, имеющих целью заключение политических соглашений с государствами, находящимися в непосредственном сухопутном или морском соседстве с договаривающейся стороной, и заключать такие соглашения лишь с согласия этой последней [10, с. 660]. В тот же день был подписан еще протокол, в котором перечислялись государства, находящиеся в непосредственном сухопутном или мор-

ском соседстве с СССР и Турцией. Государствами, находящимися в непосредственном сухопутном или морском соседстве с СССР, являлись Персия, Афганистан, Китай, Монголия, Япония, Финляндия, Эстония, Латвия, Польша, Румыния и Британская империя [10, с. 661]. Государствами, находящимися в непосредственном сухопутном или морском соседстве с Турцией, являлись: Персия, Ирак, Болгария, Греция, Италия и Британская империя, а также власти, действующие от имени Сирии [10, с. 661]. Эти положения свидетельствуют о том, что в эти годы СССР и Турция в основу своих дружественных и добрососедских отношений ставили лояльное понимание взаимных интересов. Народный комиссар иностранных дел СССР Максим Максимович Литвинов в своей телеграмме от 16 марта 1931 г., направленной Министру иностранных дел Турции Тевфику Рюшту Бею по случаю десятилетней годовщины Московского договора от 16 марта 1921 г., отметил, что Анкарский протокол 1929 г. явился достижением политики сотрудничества между СССР и Республикой Турция, доказательством взаимного доверия двух соседних дружественных стран и новым достижением в деле сохранения мира [1, с. 198]. К этому можно добавить, что Протокол создавал и условия для взаимовыгодного сотрудничества между государствами региона.

Следующий инструмент взаимного доверия был включен в Протокол [о дополнении постановлений ст. 2 Протокола от 17 декабря 1929 г. о продлении срока действия «Договора между Союзом ССР и Турцией»]. Протокол подписали 7 марта 1931 г. в Анкаре Чрезвычайный и полномочный представитель СССР в Турции Я.З. Суриц и Министр иностранных дел Республики Турция Тевфик Рюшту Бей. В Протоколе каждая из договаривающихся сторон обязывались не приступать к закладке какой-либо морской боевой единицы, долженствующей пополнить ее военный флот в Черном море или в прилегающих морях, или к заказу подобной единицы на верфях за границей или к любой иной мере, которая имела бы последствием увеличение существующего состава ее военного флота в указанных морях, не предупредив об этом вторую договаривающуюся сторону за шесть месяцев вперед [1, с. 120].

Сроки действия «Договора между Союзом ССР и Турцией» от 17 декабря 1925 г. были еще раз продлены в 1931 и 1935 гг. Таким образом, Россия и Турция в своих взаимных отношениях в 1920-1930-е гг. имеют ценный опыт по созданию и применению инструментов взаимного доверия. Это стало возможным вследствие того, что в те годы СССР и Турция в основу своих дружественных и добрососедских отношений ставили лояльное понимание взаимных интересов и чтобы упрочить основу таких отношений, продолжали работу по выработке новых инструментов взаимного доверия. Благодаря этому

стороны могли укреплять свои взаимные отношения, еще более сближаться, сотрудничать на международной арене, а также соблюдать постоянство и верность по отношению друг к другу.

Литература:

1. СССР и Турция. 1917-1979 / М.А. Гасратян [и др.]. – М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1981. – 320 с.
2. Документы внешней политики СССР / П.И. Ершов [и др.]. – М.: Изд-во полит. лит-ры, 1968. Т. XIV. – 872 с.
3. Хейфец А.Н. Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918-1920). – М.: Изд-во «Наука», 1964. – 471 с.
4. Документы внешней политики СССР / Г.А. Белов [и др.]. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1959. Т. III. – 723 с.
5. Документы внешней политики СССР / Л.С. Головенко [и др.]. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1960. Т. IV. – 836 с.
6. Миссия М.В. Фрунзе в Турцию // Международная жизнь. – 1960. – № 7. – С. 155-158.
7. Türkiye Cumhuriyeti Tarihi-I. – Ankara: AKDТYK Atatürk Araştırma Merkezi, 2000. – 175 p.
8. Документы внешней политики СССР / И.К. Кобляков [и др.]. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1963. Т. VIII. – 862 с.
9. Документы внешней политики СССР / И.М. Горюхов [и др.]. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1964. Т. IX. – 783 с.
10. Документы внешней политики СССР / И.И. Ага-янц [и др.]. – М.: Гос. изд-во полит. лит-ры, 1967. Т. XII. – 816 с.

Instruments of Mutual Trust in Soviet-Turkish Relations in the 1920s and 30s.

***Zalyaev Ramil Ilkhamovich, Zalyaev Rustem Ilkhamovich
Kazan (Volga Region) Federal University***

The article is devoted to a detailed analysis of the development and formation of instruments of mutual trust in Soviet-Turkish relations in the 1920s and 1930s, which is of practical importance in further relations between Russia and Turkey.

Key words: Russia and Turkey, tools of mutual confidence, foreign policy of the USSR, foreign policy of Turkey, Mustafa Kemal Atatürk, Tevfik Rüştü Bey [Aras]

